

Научная статья
УДК 81-2
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494
EDN: YTLJBW

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Марина Чашифовна Шогенова¹, Залина Руслановна Дохова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ shog-marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

² dohovaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8940-2134>

Аннотация. Работа выполнена в рамках исследования актуальной проблемы детерминации языка, культуры и человека, что приобретает особый статус в контексте осмысления значимости языка в его отношении именно к этнической культуре как совокупности уникальных непреходящих ценностей народа и его жизненных ориентиров.

Основная идея исследования сводится к мысли о том, что этнический образ конкретного народа сохраняется в языке и его доминантные характеристики транслируются в речевом поведении языковой личности. Цель статьи – рассмотреть этнические стереотипы как константы когнитивного сознания, средство репрезентации специфики речевого поведения современной языковой личности в типичных коммуникативных ситуациях.

Материалом исследования послужили созданные на языке адыгской личности тексты, в которых использованы стереотипные лексические единицы как образные устойчивые выражения, активно используемые в этнической культуре и понимаемые как сосредоточие приоритетных знаний и смыслов, подчиненных единой ценностно-поведенческой системе, принятых в культурно-языковом пространстве адыгского этноса.

Анализ лингвистических единиц дает основание понять, что включенность стереотипных фраз в современное речевое взаимодействие способствует не только трансляции коммуникативно значимой этнической информации, но и утверждению концептуальной парадигмы доминирующих смыслов, знаний и представлений, из которых складывается когнитивное сознание современной этнокультурной языковой личности и регулируется ее речевое поведение в разных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: этнические стереотипы, языковая личность, речевое поведение

Для цитирования: Шогенова М.Ч., Дохова З.Р. Этнические стереотипы в речевом поведении современной языковой личности // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 483-494. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494. EDN: YTLJBW.

© Шогенова М.Ч., Дохова З.Р., 2024

Original article

**ETHNIC STEREOTYPES IN THE SPEECH BEHAVIOR
OF A MODERN LINGUISTIC PERSONALITY**

Marina Ch. Shogenova¹, Zalina R. Dokhova²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbe-kov, Nalchik, Russia

¹ shog-marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

² dohovaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8940-2134>

Abstract. The work was carried out within the framework of the study of the actual problem of determining language, culture, and man, which takes on a special status in the context of understanding the importance of language in its relation to ethnic culture as a set of people's unique non-transitory values and life orientations.

The study's primary assumption is that a certain people's ethnic image is kept in their language, and its dominating qualities are transferred into the speech behavior of a linguistic personality. The purpose of the article is to consider ethnic stereotypes as constants of cognitive consciousness, a means of representing the specifics of speech behavior of a modern linguistic personality in typical communicative situations.

The research material was the texts created in the language of the Adyghe personality, which used stereotypical lexical units as figurative stable expressions, actively used in ethnic culture and understood as a concentration of priority knowledge and meanings subordinated to a single value-behavioral system adopted in the cultural and linguistic space of the Adyghe ethnic group.

The examination of linguistic units offers grounds to recognize that the incorporation of stereotyped phrases in current speech interaction contributes not only to the translation of communicatively relevant ethnic information, and also establishes the conceptual paradigm of dominant meanings, knowledge and perceptions, forming the cognitive consciousness of the modern ethnocultural linguistic personality and regulate its speech behavior in different communicative situations.

Keywords: ethnic stereotypes, linguistic personality, speech behavior.

For citation: Shogenova M.Ch., Dokhova Z.R. Ethnic stereotypes in the speech behavior of a modern linguistic personality. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 483-494. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494. EDN: YTLJBW.

© Shogenova M.Ch., Dokhova Z.R., 2024

Как известно, язык – уникальное явление, отражающее специфику мышления народа, особенности его мировосприятия, предпочтений, ценностей, что детерминировано разными факторами, к которым относятся традиции и опыт предшествующих поколений. Наследие этноса закрепляется в языке, а язык, будучи знаковой системой, кодирует смыслы, знания и транслирует их в виде исторически приобретенного духовного опыта как идентификатора (символики) этнических ценностей.

Вопросы взаимообусловленности современности и прошлого через язык и культуру, связи языковых единиц и зафиксированных в них знаний, на наш взгляд, актуализируются в контексте их восприятия этнокультурной языковой личностью, когнитивная деятельность которой ориентирована прежде всего на некоторое ментальное понимание как сосредоточие результатов представляемой ими категории в картине мира определенного этноса.

Значимым в таком контексте представляется проблема рассмотрения феномена стереотипа как фрагмента этнической картины мира, как культурно насыщенной вербализованной мыслительной единицы, устойчивой языковой

формулы, в которой закреплены представления о предмете, явлении, процессе как норме какой-либо категории в восприятии и понимании этнокультурного сообщества. Стереотип в переводе с греческого означает «непоколебимый образец», который отличается устойчивостью, сжатостью, емкостью, но содержательностью и обобщенностью, эмоциональностью, экспрессивностью и оценочностью. Стереотип детерминирован культурой и языком народа в прошлом, но востребован в настоящем и отличается этнической уникальностью, является объединяющим фактором для представителей одного этнического сообщества, но отличительным признаком от другого народа.

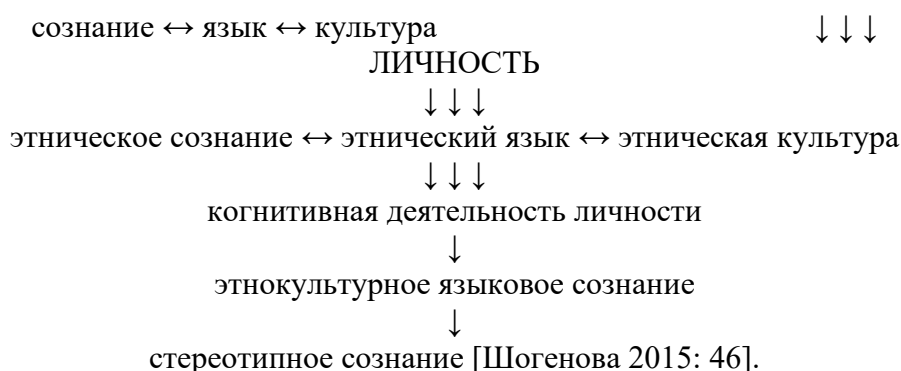
Термин «стереотип» был введен в научный оборот еще в 1922 г. американским журналистом У. Липпманом, который понимал под стереотипом определенный образ окружающего мира, оказывающий влияние на нас и наше отношение к нему и отмечал, что «...во всей... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов... ориентируют человека в большом количестве информации и помогают сохранить высокую самооценку» [Липпман 2004: 95].

Востребован термин «стереотип» и в современных исследованиях. В когнитивной лингвистике, например, его применяют «...к любым сущностям (предметам, явлениям, событиям, лицам, животным, растениям и т.д.), с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности и которые получают обозначение в языке...» [Толстая 2009: 262]; в лингвокультурологии стереотип трактуется как воплощенный в сознании личности фрагмент картины мира, «...определенный образ представления, ментальная картинка, определенное постоянное, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представления о предмете или ситуации» [Красных 2002: 178]. По мнению Н.В. Уфимцевой, стереотипы бывают этнические и культурные: «...этнические стереотипы не доступны саморефлексии «наивного» представителя того или иного этноса...им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии, являются фактами поведения, сознания... и им можно обучать» [Уфимцева 2011: 220-221]. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что, когда речь заходит о национальном характере, первое, что приходит на ум... это действительно набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом...» [Тер-Минасова 2008: 138], а потому этнические стереотипы «...активно поддерживаются в массовом сознании и редко претерпевают какие-либо изменения... характеризуются устойчивостью, эмоциональной окрашенностью и передачей обобщенного образа этнической группы, который имеет свою персонификацию» [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012: 92].

Однако независимо от вида, аспекта понимания стереотипов основная их функция, на наш взгляд, заключается в возможности при их помощи моделировать уникальный образ этнокультурной языковой личности, в сознании которой сосредоточена совокупность приоритетных знаний и смыслов, детерминированных этнокультурным окружением и подчиненных единой ценностно-поведенческой системе, принятых в культурно-языковом пространстве кон-

кретного этноса. Этнический стереотип является средством осуществления когнитивных процессов в контексте утверждения актуальных традиционных ценностей, закрепленных в сознании языковой личности; другими словами, стереотип, на наш взгляд, является когнитивной единицей, при помощи которой в типичной жизненной ситуации прогнозируется и моделируется поведение, в том числе и речевое, представителей конкретной этнической группы. Стереотипные языковые единицы воплощают в себе стандартизированное мировосприятие, отражают специфику принципов познания мира этносом, деятельность которого соотносится с единой нравственно поведенческой системой, понимаемой результативной частью практического познания действительности через этническое мировосприятие. Так, в работе [Шогенова 2015] нами была сделана попытка соотнести язык и культуру на материале рассмотрения особенностей стереотипной языковой личности как инварианта этнокультурного идеала; было обосновано, что стереотипные представления о себе, своих действиях, поведении и традициях формируются с ранних лет и идеализируют универсальные модели нравственного поведения этнокультурной личности. Отмечалось, что функционирование стереотипных языковых единиц в когнитивной деятельности языковой личности в тех коммуникативных ситуациях, которые определяют потребность в сохранении традиционных этнических принципов, основанных на универсальных базовых доминантных ценностных установках, преломленных в сознании этнокультурной языковой личности, позволяет моделировать ментальную морально-духовную ценностную систему знаний и идей о нормативных способах этнического поведения. В частности, были определены принципы взаимообусловленности репрезентации этнической картины мира через вербализацию этнокультурного сознания в лексические единицы, имеющие стереотипную модальность.

См. схема № 1.

Таким образом, очевидно, что в структуре языковой личности выделяется лингвокогнитивный уровень, обуславливающий познавательную деятельность ЯЛ, которая приобретает определенные компетенции (нормы, поведение, установки, идеи, предпочтения, приоритеты, ценности и т.п.); в результате формируется этнокультурное сознание (системы смыслов в сознании), специфика которого вербализуется в лексические единицы, характеризующиеся стереотипной модальностью, репрезентируемой в этнической картине мира. Следова-

тельно, в работе стереотип понимается как когнитивный «след» в этнической картине мира, символ речевого поведения этноса в типичных коммуникативных ситуациях, специфика которых во многом раскрывается при помощи выработанных и сохраненных народом стереотипных высказываний и речевых клише, моделирующих коммуникативные отношения людей. Показательным в таком аспекте представляется этническое мировосприятие адыгской языковой личности, речевое поведение которой во многом подчинено стереотипным представлениям о нравственных принципах этнических предписаний, системе культурных знаний, вербализированных и концептуализированных в языке.

Материалом настоящего исследования послужили созданные на языке этнокультурной личности (адыгской личности) тексты, в которых ярко отражается специфика репрезентации этнических стереотипов. В статье рассмотрены примеры из произведений писателей, которые отражают особенности современной жизни, выявляют ее проблемы, актуализируют принципы взаимоотношения людей, создают образ современного человека, воплощают особенности его мировосприятия, что позволяет, во-первых, представить образ современного человека в разных жизненных ситуациях через его речевое поведение; во-вторых, рассмотреть, как стереотипы через номинации и образы выступают уникальным средством этнического сознания и поведения сквозь призму восприятия и интерпретации знаний о себе, окружающих, способом выражения и утверждения культурных ценностей этноса. Лингвистический материал дает возможность выявить этнические стереотипные единицы, которые не потеряли своей ценности и удачно активизированы в речи современной языковой личности.

Анализ текстов показал, что включенность стереотипных фраз в речевое взаимодействие помогает не только передать коммуникативно значимую информацию, но и воплотить ее именно в символическую единицу как средство сохранения накопленного культурного и речевого опыта, в которой утверждены ценностные взгляды этнического общества, а когнитивный этнический образ создается типичными лексическими единицами, включенными в речевую деятельность языковой личности. Такими в работе представлены этнические стереотипы *адыгэ хабзэ*, *адыгагъэ*, *намыс*, *напэ*.

Стереотип *Хабзэ* как норма коммуникативного поведения. Этический кодекс «*Адыгэ Хабзэ*» (каб.) является воплощением сути духовной культуры кабардинцев, одного из титульных народов Кабардино-Балкарской Республики. В представлении кабардинцев лексема *хабзэ* (каб.) – ёмкое, содержательное слово – традиционно понимается как основа специфики мышления этнического сообщества на протяжении многих столетий и раскрывает уникальное мировосприятие, специфику интерпретаций знаний, особенности оценки объектов и явлений внешнего мира. Именно сквозь призму положений *хабзэ* носители адыгской культуры выражают свою философию и утверждают жизненную позицию. *Адыгэ хабзэ* – этническая особенность мироощущения, система неписаных правил нравственного поведения этноса, представители которого данным словом подчеркивают этническую принадлежность – характеризуется устойчивостью, репрезентируется в речи современной языковой личности в виде стереотипной единицы как константы когнитивного сознания личности, как кодекс

в поведении кабардинца. Не зря в народе говорят «*хабээр бзэгунэкIэ зэрахьэркъым*» (каб.) – (букв.: «*хабээ* на кончике языка не носят»), что подчеркивает ее закрепленность именно в сознании личности. Семантическое содержание лексемы *Адыгэ хабээ* позволяет применить его практически к любой актуальной жизненной ситуации и дать оценку действиям, поведению, поступкам человека, а потому стереотипный ее характер определяет особенность адыгского этнического сознания. Важно отметить тот факт, что в речи практически каждого кабардинца присутствует слово *хабээ*, применяемое в повседневной коммуникации как индикатор, регламентирующий и предписывающий нормы его поведения. Так, использование стереотипной фразы «*хабээ (намыс) хэлыц*» (каб.) – (букв.: «...в нем есть *хабээ*») означает высшую оценку личности, подчеркивает достоинство и воспитание человека, а фраза «*хабээниэ, нэмысыниэ*» (каб.) – (букв.: «...в нем нет *хабээ*, нет *намыс*», наоборот, несет аксиологическую составляющую восприятия действий и поступков человека. Стереотипными являются устойчивые фразы, в которых основу составляет лексема *хабээ* – «*ар хабээц*», «*хабээ хьуац*», «*зэрыхабээци*», «*хабээм ипкъ иткIэ*», «*хабээм тету*» и т.п. Подобные стандартные лексические единицы весьма активны и распространены в современных типичных речевых ситуациях и позволяют говорящему не только выразить свои позиции, но и утвердить точку зрения как неоспоримый факт, так как его заключения основаны на лексеме *хабээ*, понимаемой как абсолютная и неопровержимая истина. Ср.: «Ари *хабээ хьуац* ди заманым, – ерыщакIуэрт Мазан. – Хэт ипэкIэ хуэдэуиджы гуащэрэ тхьэмадэрэ зебгьэлIэлIэну къекIуу къэзылгытэр?... Бэдынокъуэ кыхильхьа *хабээжыц* (каб.) [Керефов 1989: 146] – «В наше время это стало *хабээ*, – говорил Мазан. – Кто как раньше проявляет внимание к свекру и свекрови?... Это *хабээ* времен Бэдыноко» (букв.); Сыт абы зэманым емызэгьыхэу хэлыр?... природэм шэджэгьуашхэ щыщIыныр *хабээ хьуакъэ ди заманым?* Джинс гьуэшэнджыр *адыгэ цIыхубзхэми* щатIэгьэныри *хабээ хьукъэ?* (каб.) [Керефов 1989: 146] – «Что в этом не соответствует времени? Разве *не хабээ* – обедать на природе? Адыгские женщины в джинсах – это разве *не стало хабээ?*» (букв.); «Уэлыхьы мыгьэщIэгьуэн ар, а къомыр зыхузэфIэкIыр, дауи лыфIу кыщIэкIынщ. Дэ кьыдэфIэкIым дехьуапсэн фIэкI, дефыгьуэ хьунукьым. *Хабээкъым*»(каб.) [Керефов 1989: 147] – «Это неудивительно, раз столько возможностей у него, стало быть, он хороший (достойный) мужчина. И мы должны не завидовать ему. Это *не хабээ*». (букв.).

В оценочной коммуникации всегда доминирует модель речи в соотношении с *хабээ*, подчеркивается необходимость его сохранения, соблюдения: «...*АдыгэлIым* и гьащIэр зэрыщыту гьуэгуанэщ... *АдыгэлIыр* шым щехуэх и мащэу гьуэгу тетщ, ди *льэкьыжь хабээр* хэт и хьэтыркIи схуэкьутэжынкьым» [Кармоков 1988: 21] – Жизнь адыгского мужчины – дорога... Место падения адыгского мужчины с коня – место его могилы – это *хабээ*... и ни при каких условиях нарушать его нельзя... (букв.); «Зэманыр йокIуэкI, и *хабээхэр* ткIуэ игьэзащIэурэ» [Кармоков 1988: 31] – «Время проходит, строго выполняя законы *хабээ*...» (букв.); «Iэу, ДыгьэцIыкIу, *хабээр-щэ?*» [Мафедзев 1991: 15] – Ой, Солнышко, а как же *хабээ?* (букв.); «*Хабээр-щэ*, Iэу. Мис апхуэдэу *дихабээр*»

[Мафедзев 1991: 16] – А как же *хабзэ*? Такой наш обычай (букв.); «...абы кыы-халъхъа *хабзэрэ акъылрэт* цыхум зэрахэтар» [Мафедзев 1991: 22] – воспитанные в нём *хабзэ* и ум помогли ему быть в обществе.

Как видно, повседневное поведение современного общества кабардинцев во многом регламентируется стереотипными представлениями о *хабзэ* как культурном ориентире, компасе, основном принципе мировосприятия; *хабзэ* для адыгской языковой личности – реальность, которая регулируется его законами, подчиняется принципам и положениям кодекса, ценности которого для этноса представляются развивающимися и трансформирующимися в современности, не теряющими своей актуальности в этнической ментальности народа.

Стереотип адыгства (*адыгагъэ*) как основа коммуникативного поведения. Доминирующей нравственной основой соблюдения правил и норм поведения в разных современных жизненных ситуациях выступает и стереотип *адыгагъэ*. Соблюдение его принципов – целое философское представление о системе оценки жизни человека. Очевидно, признаки *адыгагъэ* обуславливают некую модель поведения, конфигурируют культурные ценности этноса, образуют концептуальную парадигму позитивных смыслов и значений, из которых складывается когнитивное сознание языковой личности, выступают дескриптором ее этнического образа. В системе адыгской нравственной мысли *адыгагъэ* воспринимается как основная национальная идея, как ценность вне времени и пространства, как «...заповедь и характерная черта адыгства» [Бгажноков 1999: 16].

Этнический стереотип *адыгагъэ* (адыгство) как свидетельство национального когнитивного сознания предписывает языковой личности прежде всего подчинение высоконравственным качествам и регламентирует соответствующее поведение человека. Ценностная мотивация и эмоционально-оценочное содержание речи определяют обращенность языковой личности к стереотипу *адыгагъэ* и его включенность в общение. Ср.: «*Іэхъуэм и акъылкызыэрихъкІэ шум хабзэниагъэ щІилэжъам егупсысырт. Дауи, ар адыгэу кыщІэкІынкъым. Адыгэ шу адыгэ хэку Іэхъуэ нэмыплъ щытщІынкъым, ар хъэкъщ...*» [Мафедзев 1991: 8] – Пастух думал о причинах нарушения всадником *хабзэ*. Скорее всего, он не адыг? Вряд ли сердце адыга проигнорирует на адыгской земле пастуха, это факт (букв.); «*атІэ, мы адыгэмэ, ...хабзэ ещІэри*» [Мафедзев 1991: 8] – если не *адыг*, но откуда знает *хабзэ* (букв.); «...абы и деж нэху дыкыщекІынущ, – жиІащ ДыгъэцІыкІу, – гульытэ, *адыгагъэ зэрыхэлъыр* и напщІэ трилъхъэн узэрыхэмыт макъкІэ» [Мафедзев 1991: 16] – у него переночуем, - сказала Солнышко, - подчеркивая своим голосом, что не собирается хвалиться тем, что в ней есть внимание и *адыгство* (букв.).

Как видно, слово *адыгагъэ* ассоциируется у говорящих и со словом *хабзэ* и его компонентами. Например, утверждение концепта *человечность* – *цыхугъэ* (каб.) как часть адыгства – «*Фыщ цыхур цыхугъэ хэлъу кьэтэджмэ*» [Мафедзев 1991: 18] – Хорошо, если человек станет (будет воспитываться) человеком» [букв.]; обращенность к концептам *почтительность* и *честь* в ситуации утверждения ценности семьи, воспитания (согласно принципам *адыгства*): «*Иджыпсту Бэгъэуш гуфІапщІэм щІегупсыпсыр езым кыхь хыбарым адыгэ унагъуэм, цыхум щІалъхъэ пщІэмрэ мыхъэнэмрэ нэсу кызыэгурыІуара-*

рагъэнут... Дунейм цыху теткыым си бын, си щIэблэ Iей хуащэрэт, жызыIэ. АтIэ ар фIы хьунщхьэкIэ упI кьудейкIэ зэфIэкIыркыым, ар гъэсэн хуейщ. Гъэсэн, фIым, дахэм, екIум, *лыгъэм, пэжыгъэм, захуагъэм* и гур хуэуэщIауэ, гушхуэныгъэм и псэр етауэ. Ар куэдым яхузэфIэкIыркыым. Бгъэм дэплъейр бгъэ мэхьури, хьэфI дэплъейр хьэфI мэхьу...» [Мафедзев 1991: 19] – «Сейчас Багауш осознавал значимость *адыгской семьи*, понимание *чести и уважения*... На свете нет человека, который говорит, хоть бы мои дети, мое потомство стали бы плохими. Чтобы они стали хорошими, надо их приучать к хорошему, приличному, мужеству, честности, справедливости, открытости... Многие не могут этого... Кто обращает свои взоры к орлу (к высоте), становится орлом, кто – к хорошей собаке, тот - хорошей собакой...» (букв.); *ум и мудрость – акъылрэ губзыгъагъэрэ*; псалъэIущ: «ЩыIэ укыщIэкIынкыым *акъылрэ губзыгъагъэкIэ* зыхэтым ядэгуашэу цыху зыгъэдэIуфэм нэхьрэ нэхь лъапIэ... псалъэIущыр куэд и уасэщ» [Мафедзев 1991: 5] – «нет ценнее человека, чем тот, кто может делиться *умом и мудростью* и воспитывать мудрым словом, ценность молодости – уважение к старости (букв.).

Составляющими компонентами *адыгства* являются *честь* и *почтительность*, которые также раскрываются через стереотипное мировосприятие: «ЩIалэу зыхамыльхьа жьы хьуа иужькIэ кьагъуэтыжыркыым» [Мафедзев 1991: 5] – подчеркивается, что молодость – это пора приобретения – чего не было в молодости, не найдешь в старости (букв.); философское отношение, уважение, понимание старости: «...*жьы хьуам и Iуэхур ницIэркъэ*...» [Мафедзев 1991: 16] – старость меняет мировоззрение человека (букв.); согласие в доме между супругами: «Щхьэгъусэ зэрызэхуэхьурэ а тIур зэман лей трамыгъэкIуадэу *зэакъылэгъуу* кьежьбат, зым жиIэр адреим *фIэкъэбылу*, зым ищIэр адреим диIыгъыу, фызыр лIы Iуэху хэмыпсэльыхьу, лIыр фыз Iуэху хэмыIэбэу» [Мафедзев 1991: 30] – с тех пор как они поженились, они старались жить одним умом, слово одного принималось в веру другим; дело одного поддерживалось другим; женщина не вмешивалась в дела мужчины, а мужчина – в дела женщины (букв.).

Ценность этнической принадлежности, стереотипное представление об *адыгстве*, утверждение его принципов для кабардинского народа представляется основной национальной идеей. Ср.: «ИригъэлейIуэуи кьыпфIэщIыну хуабжьу *адыгэпсэт*. Тхыль дэдэжагуэрхэр зыщIыпIэ кьыщиульэпхьэщынти, утыку кьрилъхьэнт, «*адыгэм хуэдэу лIыгъэ зыхэлъауэ* зы лъэпкъ дунейм теткыым» жиIэу щIигъжу. «Усы тлъэпкъ?» жиIэу зыгуэр кьоупщIамэ, «*сыадыгэщ*» жьыпIэ хьунут... [Кармоков 1988: 15] – Могло показаться, что это было излишне – но настолько у него была душа *адыга*. Находил старые книги и зачитывал, что более сильного, чем *адыг*, ни одного народа на свете нет... И если спросят, кто ты по национальности, то нужно сказать: «Я кабардинец...» (букв.).

Как видно, стереотип *адыгство* содержит богатый лингвокультурный потенциал, дающий информацию о народе, его культуре, опыте и традициях; *адыгство* во многом представляется как ядро адыгской языковой картины мира, насыщенное этническими стереотипными представлениями о человечности, чести, мудрости, ценности семьи, уважении к старости.

Стереотип *намыс* как мера оценки поведения. *Намыс* – ценностно-оценочная доминанта в культуре многих кавказских народов, в том числе и адыгского этноса. *Намыс* понимается как нравственная категория, внутренняя установка человека, отождествляется с его честностью, уважением, почтением, совестью. Стереотип *намыс* оценивает поведение человека, его поступки, действия, выступает критерием определения правильного и неправильного, нравственного и безнравственного. В речи современного кабардинца лексема *намыс* достаточно активное, востребованное слово – оно утверждает должные положительные качества личности, определяет действия и выбор человека, отражает этническое понимание о нормированном поведении этноса в разных жизненных ситуациях – словом, выступает нравственным законом для народа. Выражение «*нэмыс зыхэ-ль цIыху*», «*нэмысыфIэ*» (каб.) – «человек, в котором есть *намыс*» (букв.) считается для него высочайшей оценкой. Так, использование в речи клишированных фраз с компонентом *намыс* или даже одного слова *намыс* позволяет носителю языка ёмко, но содержательно передать свой коммуникативный замысел, точно и образно раскрыть глубину вопроса, охватить многие ценностные аспекты жизни и поведения человека. Ср.: «...*Гуащэ и кьуэрыльхум нэщхькIэ еуащ, сыт щыгьуи нэмыскIэ кьыбгьэдэт щIалэр апхуэдэу и пащхьэ кьызэрихьэжар игу ири-мышу...*» [Кармоков 1988: 27] – Свекровь недовольно посмотрела на внука, который всегда относился к ней с *намысом* (то есть уважительно, почтительно), из-за его подобного появления...(букв.); «*Адэ-мыдэ тIэкIу жаIа нэхь кьайгьэ изэрымыгьэхуу, зэлагьэхэр зэувэлIэжри яку ильыпхьэ нэмыскIу льэкI кьагьанэтэкьым. Псори хьэрзынэу екIуэкIыу кьыпщыхьунт...*» [Кармоков 1988: 32] – Родственники не стали шуметь долго и продолжили свои отношения, в которых строго соблюдались правила *намыс* (букв.).

Категория *намыс* считается индивидуальным качеством для каждого представителя адыгского народа. Этикетная фраза благопожелания *уи намыс нэхь льагэ ухьу* (каб.) – пусть твой *намыс* будет еще выше (букв.) – предполагает, что в каждом человеке природой заложены те этнические качества, которые воплощает лексема *намыс*. И чем выше *намыс* в человеке, тем больше он ценится в глазах людей. И наоборот: если совершается безнравственный поступок, проявляется недостойное поведение, то прежде всего «страдает» оценочная категория *намыс*. Ср.: «*Си нэмысыр хэутэн зыщIар? Сэ, дауэ, напэм кьысхуегьэкIуу, яжесIэну жылэм кьысщыщIар?*» [Кармоков 1988: 28] – Кто опорочил мой *намыс*? Как я смогу людям об этом сказать? (букв.). Как видно, стереотип *намыс* пронизан ценностным содержанием и определяет маркированное поведение личности, а в данном контексте определяется как средство оценки самоуважения.

Стереотип *напэ* как регулятор этнического поведения. Слово *напэ* относится к культурно-коннотативной лексике, которая отличается со значениями, имеющими определенные ассоциации в этническом сознании людей. Кроме основного прямого соматического значения, *напэ* в понимании кабардинцев является многогранным и культурно насыщенным словом. Оно ассоциируется с такими понятиями, как честь и совесть, с одной стороны, стыд – с другой стороны. Доминирующая роль *напэ* в адыгской культуре раскрывается во фразе

«*псэм и нэ нанэ*» - достойное лицо выше души, жизни (букв), что подчеркивает ценность стереотипа *нанэ*. Слово *нанэ* активно используется в разных жизненных ситуациях и оценивает поступок человека, номинирует его. Ср.: «*нанэ зимылер* я пщлантIэм кьыдэкIыжри цIыхугъэ зыхэль нэгъуэщI щIалэ ирихьэлIащ...» [Кармоков 1988] – Со двора вышел тот, у кого нет лица (то есть бессовестный человек), и встретился с хорошим парнем... (букв.); «...Ларисэ жиIэрт езым и зэран льэпкь хэмылзу, хьыджэбзым и *нанэр* езым имыхьумэжмэ зыми хуэмыхьумэну» [Кармоков 2004: 11] – Лариса говорила, что девушка сама опорочила себя – «сняла лицо свое», не сберегла (букв.); «*Си цIыхубз нанэмрэ* си шхьэц тхьуамрэ фIэльыкIагъэнц – текIуэтри кьэувьжащ» [Кармоков 2004: 11] – Мое женское лицо (совесть) и мои седые волосы остановили его (букв.); «*И нанэ тэкIуэр* тхьэщIа щхьэкIэ, щхьэпсыншэ мыгъуэщ...» [Кармоков 2004: 11] – Хотя лицо было вымыто, он сам очень легкомысленный (букв.); «*Си лIахэм* я пащхьэ *си нанэ кьабзэу* сигъэхьэж» – жиIэу Нанэ...» [Кармоков 2004: 13] – Прошу дать возможность встретиться с умершими с чистым (белым) лицом (букв.). Как видно, этнический стереотип *нанэ* в основном выступает как оценочная категория и передает как положительную, так и отрицательную коннотацию: *адыгэ нанэ зехьэн* – иметь адыгское лицо означает верность предкам, честь и достоинство, его сохранение в течение жизни; *нанэ* (лицо) должно быть белым, чистым, то есть непорочным (*нанэ хужь*, *нанэ кьабзэ*), ибо ему противостоит черное, ржавое (*нанэр улгиящ*, *нанэр фIыцIэщ*), а если оценку связывают с каким-либо действием, то лицо может гореть (*нанэр сын* – испытывать чувство стыда), лицо может «сойти» (*нанэр текIащ* – опозориться, испытывать чувство неудобства). Словом, стереотип *нанэ* представляется средством оценки норм поведения и общения.

Таким образом, это далеко не полный перечень этнических стереотипов в адыгской культуре, к которым апеллируют писатели в классических текстах, созданных на родном (кабардинском) языке. Материал выборки позволяет заключить, что стереотипные единицы, которые активно употребляются в речевой практике современных носителей языка, представляются устойчивыми общепризнанными ценностями, в которых сохраняется уникальная память народа, духовно-нравственные традиции и опыт предков; через стереотипные лексические обороты дается высокая оценка личности в контексте не только его принадлежности к определенному этносу, но и статуса человека; именно обращенность к стереотипным фразам в речевой деятельности выявляет когнитивные признаки, репрезентирующие уникальные этнические качества, которые должны быть свойственны представителям адыгского народа. Стереотипизированные и клишированные фразы в современной речевой практике обнаруживаются в типичной ситуации, определяют нормы и правила поведения человека, образуют концептуальную парадигму положительных смыслов и значений, из которых складывается когнитивное сознание этнокультурной языковой личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Липпман 2004 – Липпман У. Общественное мнение: Уолтер Липпман; пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Фонд "Обществ. мнение". – Москва: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2004 (ППП Тип. Наука). – 382 с.

- Толстая 2009 – Толстая С.М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы межд. конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262-264.
- Красных 2002 – Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Уфимцева 2011 – Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- Тер-Минасова 2008 – Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство МГУ, 2008. – 352 с.
- Миньяр-Белоручева, Покровская 2012 – Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. – № 2 (8). – 2012. – С. 90-94.
- Шогенова 2015 – Шогенова М.Ч. Стереотипная языковая личность как инвариант этнокультурного идеала языковой личности // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 45-49.
- Керефов 1989 – Керефов М.Ж. Разбогатеешь на наследстве отца? («Адэ щӕинмылькхурэ?»). – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 253 с. (на каб. языке)
- Кармоков 1988 – Кармоков М.М. А тополя все растут («Щихухэр иджыри мэкI»). – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 452 с. (на каб. языке)
- Мафедзев 1991 – Мафедзев С.Х. Достойны печальной песни («Гъыбзэхуэфашэт») (каб.): – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 448 с. (на каб. языке)
- Бгажноков 1999 – Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 96 с.
- Кармоков 2004 – Кармоков М.М. Зов в ночи. Избранное. («Къоджэм уигъэжейркъым»). Тхыгъэхэр. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 532 с. (на каб. языке)

REFERENCES

- LIPPMAN U. *Obshchestvennoe mnenie: Uolter Lippman* [Public opinion: Walter Lippman]; per. s angl. T.V. Barchunovoi; Fond "Obshchestv. mnenie". – Moskva: In-t Fonda «Obshchestv. Mnenie», 2004 (PPP Tip. Nauka). – 382 p. (In Russ.).
- TOLSTAYA S.M. *Stereotip i kartina mira* [Stereotype and worldview]. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy mezhd. konferentsii*. – Ekaterinburg, 2009. – P. 262-264. (In Russ.).
- KRASNYKH V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures]. – M.: Gno-zis, 2002. – 284 p. (In Russ.).
- UFIMTSEVA N.V. *Yazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. – M.: Institut yazyko-znaniya RAN, 2011. – 252 p. (In Russ.).
- TER-MINASOVA S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2008. – 352 p. (In Russ.).
- MIN'YAR-BELORUCHEVA A.P., POKROVSKAYA M.E. *Etnicheskie stereotipy v sovremennom yazykovom prostranstve* [Ethnic stereotypes in the modern language space]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. – № 2 (8). – 2012. – P. 90-94. (In Russ.).
- SHOGENOVA M.CH. *Stereotipnaya yazykovaya lichnost' kak invariant etnokul'turnogo ideala yazykovoie lichnosti* [Stereotypical linguistic personality as an invariant of the ethno-cultural ideal of a linguistic personality]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo univerversitet*. – 2015. – № 4. – P. 45-49. (In Russ.).
- KEREFOV M.ZH. *Razbogateesh' na nasledstve ottsa?* [You'll get rich from your father's inheritance] («Adeshcheinmyl"kuh"ure?»). – Nal'chik: El'brus, 1989. – 253 p. (In Kabardin language).
- KARMOKOV M.M. *A topolya vse rastut* [And the poplars are still growing] («ShchikhukheridzhryimekI»). – Nal'chik: El'brus, 1988. – 452 p. (In Kabardin language)
- MAFEDZEV S.KH. *Dostoiny pechal'noi pesni* [Worthy of a sad song] («G"ybzekhufashchet») (kab.): – Nal'chik: El'brus, 1991. – 448 p. (In Kabardin language)

BGAZHNOKOV B.KH. *Adygskaya etika* [The Adyghe ethics]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 96 p. (In Russ.).

KARMOKOV M.M. *Zov v nochi. Izbrannoe* [A call in the night. Favourites]. («K"odzhemuig"ezheirk"ym»). Tkhyg'ekher. – Nalshyk: El'brus, 2004. – 532 p. (In Kabardin language).

Сведения об авторах.

М.Ч. Шогенова – кандидат филологических наук, доцент.

З.Р. Дохова – кандидат филологических наук, доцент.

About the authors.

M.Ch. Shogenova – PhD (in Philology), Associate Professor.

Z.R. Dokhova – PhD (in Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.